

Д. Шабалин
(доктор искусствоведения, проф. КГУКИ)

ВИЗАНТИЙСКИЙ ОКТОИХ И ПРОИЗВОДНЫЕ ЛАДОВЫЕ СИСТЕМЫ

Основной – октавный – звукоряд, выстраиваемый четверкой активно восходящих прямых ихосных пентахордов византийского ладового октоиха¹, представляет собой фактически не что иное, как октавный мажорный звукоряд *c d e f g a h c¹*. Четверка пассивно нисходящих «утяжеленных» плагальных пентахордов точно так же вполне соответствует минорному звукоряду (с повышенной шестой ступенью) *c d e s f g a b c¹*. Такие совпадения невозможно считать случайными, уж очень точны соответствия их структур. Мы с неизбежностью должны прийти к выводу, что прямые и плагальные лады являются родоначальниками мажора и минора. Отличающая основной плагальный звукоряд от минорного повышенная шестая объясняется недопустимостью употребления уменьшенных квинт в последовательно чистоквинтовой пентахордной системе, в отличие от минорного, принципиально чистооктавного, звукоряда, в котором чистота квинт не является необходимой.

Правда, историческая цепь преемственности в движении «византийский октоих – современный мажоро-минор» отклонялась от прямой линии системой григорианских церковных ладов. Отклоняющее воздействие на западное ладообразование оказали монахи-бенедиктинцы. Они действовали в соответствии с установками Кассиодора, апологета античной культуры, выразившимися в данном случае в стремлении объединить византийские ихосы с античными этнонимическими октавными видами (дорийским, фригийским и т. д.) В результате григорианская ладовая система, преемница византийских и античных ладов, получилась совершенно отличной как от византийской, так и от античной систем.

Однако, скорее всего, не она послужила основой для дальнейшей разработки европейских ладов, а органум. Материальная косность органа не позволяла перестраивать его на новый лад, он сохранил пентахордный строй, поддерживал его квинтовое мышление, позволявшее употреблять в монодии квинтовые параллелизмы, звучавшие тогда подобно современному октавному дублированию, например, мужских и женских голосов при пении ими мелодии «в унисон». Именно через органум европейское многоголосие удержало прямо или косвенно преемственность с византийско-амвросианским октоихом и довело его до мажоро-минора Нового времени².

Видя, насколько продуктивной в итоге оказалась деятельность византийских музыкальных теоретиков, создателей ладового октоиха (впрочем, судя по некоторым данным, это был один создатель – Афанасий Александрийский), можно лишь испытывать удивление по поводу их чрезвычайно тонкой наблюдательности над музыкой, скрытой в разговорной речи, из которой ими была образована монодия, по поводу практичности и целесообразности основанной на ней ладовой структуры, восхищаться достигнутым в ладообразовании уровнем системности, гармонично увязывающей действия всех факторов церковного пения. Если бы система ладового октоиха изначально оказалась умозрительно надуманной, столь плодотворной и устойчивой она бы не стала.

Характеристики впечатлений от звучания прямых и плагальных византийских ихосов также подтверждают эти их ассоциации с мажором и минором. Для примера можно процитировать приведенное И. Вознесенским из книги «Историческое известие о пении Греко-российской церкви» следующее описание такого рода впечатлений: **«Первый глас**